

Макс Вебер и новый русский капитализм. Давыдов Юрий filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Макс Вебер и "новый русский" капитализм. Давыдов Юрий
Сразу же оговоримся: мы оставляем пока за скобками эмпирическую историю возникновения и самоутверждения «нового русского» капитализма, результаты которой простые россияне испытывают на себе в течение семи лет «безнадежной любви» к нему, а о другом, собственно социологическом, срезе того же сюжета. Мы попытаемся рассмотреть генезис нашего нынешнего капитализма, – который уже состоялся (хотя и совсем не так, и не в том виде и облике, какой вынашивала в своем «лихорадочном» позднеперестроечном воображении российская леволиберальная интеллигенция), – на более широком культурно-историческом фоне: как один из многочисленных примеров соответствующего типа. То есть подойдем к нему с типологически обобщающей, а не только «уникализирующе-индивидуализирующей» точки зрения, акцентирующей «случайные черты» явления, сосредоточиваясь на его рационально невыразимой «самобытности» (каковая еще так недавно фигурировала в том же интеллигентском сознании, главным образом, под знаком «минус», а сейчас получает, по меньшей мере, амбивалентную оценку).

Необходимость сочетания этих двух подходов, известных в методологии как генерализирующий (или номотетический) и индивидуализирующий (идиографический) возникла для нас сегодня в связи с осознанием бесперспективности догматического толкования сущности и происхождения «нового русского» капитализма, как некоего столь же «случайного», сколь и уникально-неповторимого отклонения от западной модели современного капитализма, рассматриваемой как единственно возможная «норма» капиталистической эволюции. Быть может, несколько ближе к истине могла бы – при ее более серьезном историческом обосновании – стать попытка объяснить «новое русское» своеобразие как один из эксцессов нашей вечно «догоняющей» цивилизации. Однако и эта теоретическая возможность так и не стала действительностью, поскольку тем, кто все еще верит в нее, так и не удалось до сих пор выйти из заколдованного круга крайне отвлеченных рассуждений о том, какую из культур, не озаботившихся в свое время тем, чтобы «выйти на столбовую дорогу цивилизации», считать «безнадежно отставшей», а какой – все-таки! – оставить шанс как-нибудь приобщиться к ее благам.

Но, кроме всего прочего, над всеми аналогичными рассуждениями веет десотический дух монизма – сознательного или не вполне осознанного убеждения в том, что существует, якобы, один-единственный путь современной цивилизации, некая, образно выражаясь, «одноколейка», по которой и мчит на всех парах ее поезд (или, если угодно, ракетоплан). А за этим убеждением, при внимательном его рассмотрении, в свою очередь можно разглядеть традиционно марксистскую догму относительно существования одного-единственного капитализма – единой и единственной в своем роде «общественно-экономической формации» (которая у основоположника социологии XIX века – О. Конта называлась «промышленным обществом»). Как теоретическая догма о принципиальной возможности существования всего лишь одного типа капитализма, которая в прошлом веке объединяла марксистов с позитивистами, прекраснотушных либералов с брутальными сверхрадикалами, до сих пор объединяет всех, верующих сегодня в единую единственность «столбовой дороги цивилизации». Не поколебал ее и неудобный факт возникновения «нового капитализма» (термин, употребленный В. Зомбартом еще в конце 1920-х гг.), продемонстрировавшего особенно впечатляющие успехи в Японии на протяжении двух последних десятилетий. Хотя сам В. Зомбарт, придерживавшийся в споре с М. Вебером скорее марксистской точки зрения в этом вопросе, явно начал склоняться к противоположному полюсу – идее «плюральности», если не социально-экономических, то, по крайней мере, культурно-исторических типов капитализма.

А между тем – принципиальный вопрос, к которому мы сейчас подходим, – уже в первом десятилетии нашего века точку зрения «плюральности» типов капитализма (причем не только культурно-исторической, но и социально-экономической, социологической) решительно отстаивал М. Вебер, полемизируя с тогдашним полумарксистом В. Зомбартом. И, – что сегодня для нас особенно важно не только в теоретическом, но и в «практически-жизненном» отношении, – лицом к лицу с тем же вопросом сталкивает сегодня мыслящих россиян и парадокс «нового русского» капитализма: историческая загадка, которая стучится нынче буквально во все ворота. В самом деле, уже простое сопоставление «нового русского» капитализма с некоторыми разновидностями «нового капитализма» (согласно

Макс Вебер и новый русский капитализм. Давыдов Юрий filosoff.org терминологии позднего В.Зомбарта), какие еще как-то можно было бы истолковать в качестве случайных, но вполне объяснимых «отклонений» от западного капиталистического образца, убеждает: объяснить аналогичным способом российский «казус» уже невозможно. И вот почему.

Когда мы пытаемся суммировать, подведя их под некую общую категорию, наиболее важные и характерные отличия «нового русского» капитализма от современного западного, то мы оказываемся перед необходимостью говорить не о более или менее случайных отклонениях от этого капиталистического образца, но об иной генеалогии «нашенского» капитализма, о его отнесенности к совершенно иному прототипу. А это значит, что особенности, отличающие нынешний российский капитализм от западного, имеют вовсе не «случайный», не ситуативный, но более фундаментальный, типологический характер. Ибо все здесь говорит не о более или менее спонтанном «уклонении» от западного прототипа (о котором, кстати сказать, с гораздо большим основанием можно было сказать применительно к дореволюционному российскому капитализму, а не к нашему постсоциалистическому), но о принадлежности совершенно иному типу, по отношению к каковому также вполне допустимы различные отклонения. Однако они должны быть существенно отличными от упомянутых выше, прежде всего в силу их другой генетики. Иначе говоря, коль скоро мы приходим к необходимости признать два типа капитализма, мы должны будем считаться с существованием двух гетерогенных типов «случайных отклонений». Ведь каждое из них обретает всю полноту своего смысла лишь в границах соответствующего «прототипа» («прафеномена» или «архетипа», как сказал бы О. Шпенглер). Таков логически необходимый вывод, к которому подталкивает нас осмысление факта слишком уж далеко заходящей непохожести нашего «нового русского» капитализма не только на западный образец, буквально загнипнотизировавший нашу «критически мыслящую» интеллигенцию, но и на разнообразные региональные отклонения от него, в целом, однако, остающиеся в пределах именно этого, а не какого-то иного капиталистического прототипа. Вот тут-то и возникает необходимость обратиться к веберовскому различению двух культурно-исторических и социально-экономических типов капитализма, один из которых окончательно сформировался в XVII-XVIII веках нашего тысячелетия, тогда как другой возник задолго до нашей эры, хотя и дожил до наших дней (вступив в весьма сложные и запутанные отношения с современным капитализмом).

М. Вебер возвращался к поставленной им проблеме типологического различения двух гетерогенных форм капитализма на протяжении без малого двух десятков лет. В значительной мере неоднократные возвращения М. Вебера к этой проблематике стимулировались многолетним спором с ближайшим коллегой и в то же время главным оппонентом В. Зомбартом – автором фундаментального исследования «Современный капитализм», вышедшего в 1902 г. [1]. Об этом свидетельствовал, в частности, факт появления классического веберовского труда «Протестантская этика и «дух» капитализма», – где (кроме всего прочего) была впервые отчетливо сформулирована и названная проблема, – непосредственно вслед за этим зомбартовским трудом (в 1904–1905 годах) в виде цикла статей под этим общим названием [2]. Статей, основная идея которых находилась в «контрапунктных» отношениях к зомбартовской концепции капитализма, каковую мы называли «полумарксистской» вовсе не для красного словца. В противоположность автору «Современного капитализма», чья мысль, в общем, двигалась в русле монистического представления о единственности соответствующего типа капитализма, – в рамках которого можно лишь вычленять различные стадии эволюции («ранний капитализм», затем «современный», каковой, в свою очередь, будет впоследствии подразделен им на «развитой» и «поздний»), что все время заставляло вспоминать марксистское учение о «капиталистической общественно-экономической формации» как единственной в своем роде, – М. Вебер отстаивал идею двух основных типологических форм капитализма.

В основание их далеко идущего культурно-исторического и в то же время социально-экономического различения он положил тот факт, что античный капитализм, в отличие от современного, не знал промышленности в нынешнем (социологически определенном) смысле этого слова, а потому изыскивал источники добывания капитала (поскольку здесь невозможно говорить о капиталистическом накоплении) везде кроме высокопродуктивного промышленного производства. Поэтому под «современным капитализмом» М. Вебер понимал прежде всего и главным образом промышленный, а потому и «рациональный», поскольку современная техника требует рационального расчета в едва ли не большей степени, чем рыночная калькуляция, без которой, согласно М. Веберу, был бы немыслим и античный капитализм. Однако, если иметь в виду «демиурга» (и в

Макс Вебер и новый русский капитализм. Давыдов Юрий filosoff.org то же время главного функционера) современного капитализма, то его, по М.Веберу, следовало бы называть «буржуазным», – чем подчеркивалась не только бюргерская социальная генетика его типичных персонажей, но и специфика их рационально калькулирующего «духа», не исключавшего, а, напротив, с необходимостью предполагавшего глубокую религиозность. Что же касается капитализма, который мы для краткости называем «архаическим» (хотя сам автор «Протестантской этики» не пользовался этим термином, учитывая его продолжающееся существование внутри современного капитализма), то для него, как правило, была характерна полнейшая нравственно-религиозная индифферентность в сфере торговых отношений. Тем более что это были, как правило, отношения людей, принадлежащих к различным этносам, придерживавшимся взаимоисключающих верований (первыми купцами-«менялами» были, как правило, «чужаки»-иностранцы).

Надо сказать, что само это стремление расширить хронологические рамки капитализма, доказав, что он существовал еще в античности, возникло не у одного лишь автора «Протестантской этики». Здесь он следовал за такими крупнейшими немецкими историками, как Т.Моммзен и Э.Майер. Однако в отличие от них он считал (и убедительно доказывал это), что «архаический» капитализм – не совсем тот, а во многих отношениях совсем не тот, который сопрягается с понятием «современного капитализма», даже если взять его в самом широком смысле. И вот тут-то он и поставил фактически вопрос о двух типах капитализма, с которым нас, россиян, столкнуло – буквально нос к носу – явление «нового русского» капитализма. Впрочем, дело здесь не только в самой этой общей постановке вопроса. Для нас гораздо важнее, что при этом, выделяя специфические особенности, существенно отличающие «архаический» капитализм от современного западного, М.Вебер обращает внимание на то, что, с нашей сегодняшней точки зрения, поражает далеко идущим сходством, даже родством (разумеется, типологическим) с «новым русским» капитализмом. А как раз оно-то, это типологическое родство, и образует тот фон, на котором мы только и могли бы адекватно постичь «истинный исток и тайну» (как сказал бы молодой Маркс) «нового русского» капитализма.

Итак, вспомним, о каких особенностях античного капитализма идет речь у самого М.Вебера. А для этого обратимся к его работе «Аграрная история древнего мира», опубликованной в 1909 г., поскольку в ней углубляется и конкретизируется веберовская идея «дивергенции» античного и современного типов капитализма. Как уже говорилось, основное и бросающееся в глаза отличие первого из этих «типов хозяйственной организации» [3, с.8] от второго он усматривает в том, что античность не знала промышленности в современном техническом, социологическом и экономическом смыслах этого слова, а потому не знала такого важнейшего орудия и средства образования и приумножения капитала, каким располагает современный капитализм, потому и являющийся прежде всего и главным образом высокопродуктивным индустриальным капитализмом. "Среди составных частей капитала, – писал М.Вебер, имея в виду античный капитал, – разумеется, отсутствуют все те средства производства, которые созданы техническим развитием последних двух столетий и составляют нынешний «постоянный капитал»... Среди способов эксплуатации капитала отстает на задний план помещение капитала в промышленность и, в частности, в «крупные производства» в области промышленности; напротив, прямо доминирующее значение имеет в древности один способ эксплуатации капитала, который в настоящее время по своему значению совершенно отступил на задний план: государственный откуп» [3, с.19].

Отсюда один из первых терминов, какой употребляет М.Вебер для того, чтобы противопоставить «архаический» капитализм современному промышленному, – «политический» капитализм, то есть капитализм, связанный своей пуповиной с фискальной политикой государства. Речь идет об «архаической» разновидности государственного капитализма (очень напоминающей нашу теперешнюю), когда государственная власть, отказываясь от части «своей» (у нас она считалась общенародной) собственности в пользу капиталистов, систематически «подкармливала» их, держа на коротком поводке. И так делалось до тех пор, пока «заматеревший» младенец не становился достаточно сильным для того, чтобы не просить, а властно требовать государственной подпитки, диктуя властям свои собственные правила финансово-политической игры как внутри страны, так и за ее пределами. Так что капиталисты фактически «откупали» теперь у государства не те или иные отдельные привилегии и «хлебные» должности, а саму его власть: право принимать общеполитические решения. Так возникала ситуация непримиримой борьбы за власть между государством и – им же и вскормленным – «архаическим» капитализмом, которая, как утверждал М. Вебер (солидаризировавшийся в этом отношении с Т. Моммзеном и Э. Майером),

Макс Вебер и новый русский капитализм. Давыдов Юрий filosoff.org
определяла в античной истории гораздо большее, чем можно было бы предположить.

Но кроме того, что у нас обычно называют в подобных случаях «государственной кормушкой», в античности, как и в наше время, существовали и иные непромышленные источники накопления и приумножения капитала, равно как и соответствующие типы капиталистов непроизводительной ориентации. Речь идет о капиталистах «архаического» типа, чья хозяйственная деятельность, подобно деятельности привилегированной страты «откупщиков», «не была еще ориентирована в первую очередь ни на рациональное использование капитала посредством внедрения его в производство, ни на рациональную капиталистическую организацию труда» [3, с.80]. Все эти разновидности капиталистической деятельности М.Вебер относит к «докапиталистической» эпохе (включая сюда и капиталистическую «архаику»), когда хочет противопоставить ее деятельности в условиях господства современного, то есть высокопродуктивного промышленного капитализма, предполагающего совершенно иные, чем в античности, способы накопления и приумножения капитала. Они лишь отчасти вступают в «мирное сосуществование» с прежними (традиционными), но гораздо чаще утверждают себя, преодолевая их ожесточенное сопротивление, что вызывало (и до сих пор вызывает) более или менее острые и глубокие общественно-политические конфликты между гетерогенными типами капиталистического предпринимательства. Конфликты, которыми отмечена вся история современного капитализма.

Так какие же разновидности непромышленной капиталистической деятельности, в принципе исключавшей «специфически западное современное рациональное предпринимательство», и, соответственно, какие типы самих капиталистических предпринимателей существовали, по М. Веберу, уже в «седой древности»? В одном из позднейших примечаний к первой статье (она же глава) своей «Протестантской этики» он пишет, лишней раз подчеркивая противоположность двух культурно-исторических типов капиталистической деятельности: «Мы имеем здесь, конечно, в виду капитализм как специфически западное современное рациональное предпринимательство, а не существующий во всем мире в течение трех тысячелетий – в Китае, Индии, Вавилоне, Древней Греции, Риме, Флоренции и в наше время – капитализм ростовщиков, военных поставщиков, откупщиков должностей и налогов, крупных торговых предпринимателей и финансовых магнатов» [1, с.118]. Здесь на первом месте стоят уже не откупщики, как в работе об аграрной истории древнего мира, а именно ростовщики. И это выведение их на передний план, пожалуй, больше отвечает паразитарной природе «архаического» (напомним, рабовладельческого по своему происхождению и той роли, какую играло рабовладение среди первоначальных разновидностей капиталистической собственности) капитализма, его изначальной дистанцированности от сферы продуктивного применения капитала. Говоря о «капитализме ростовщиков», М.Вебер имеет в виду его органическую связь с торговлей деньгами, – разумеется, крупными, отдаваемыми взаймы государству (или тем, кто персонифицировал его в каждый данный момент) под немалые проценты. Этот вид крупнокапиталистической деятельности заставляет нас вспомнить (кроме всего прочего) о той, что совсем недавно практиковалась у нас на «рынке ГКО» – государственных краткосрочных обязательства, которые продавались «денежным людям» (или «структурам») под проценты, поражающие своими размерами даже видавших виды западных наблюдателей.

Другую преобладающую разновидность «архаической» капиталистической деятельности, особо выделенную М. Вебером, упомянувшим на втором месте «военных поставщиков», мы могли бы и опустить, поскольку она, что называется, «имеет место» и в условиях современного промышленного капитализма. Однако следует иметь в виду, что в античности эта деятельность разветвлялась в условиях отсутствия промышленных источников «добывания» капитала, заменяя их и тем обеспечивая ей первостепенную роль в формировании и функционировании «архаического» капитализма. А кроме того следует учесть, что у нас военные поставки (например, в период «чеченской войны», развязанной в пределах одного и того же государства), имели своим источником не развитие, а наоборот, развал военной промышленности, разбазариваемой направо и налево в условиях хаотической демилитаризации нашей страны, усугубляемой целенаправленной «прихватизацией» ее собственности. Так что, в конечном счете, и здесь «военные поставщики» имели столь же благоприятные (если не более, учитывая несоизмеримые масштабы вооружений) условия для своих – политико-экономических – авантюр, как и их архаические предшественники, шустрившие в условиях античного

Макс Вебер и новый русский капитализм. Давыдов Юрий filosoff.org «авантюристического капитализма» (так не раз называл его сам М. Вебер). Если же прибавить к этому возрастающую день ото дня потребность в оружии «криминальных структур», в связи с чем неуклонно (и скачкообразно) растет его – и без того фантастическое – количество, находящееся в «теневом» торговом обороте, то можно с уверенностью заключить, что нелегальные «военные поставщики» сыграли (и продолжают играть) в формировании и последующей эволюции нашего «нового русского» капитализма, так похожего на «архаический», ничуть не меньшую роль, чем те, которых упомянул М. Вебер в приведенном фрагменте.

Дальше идут у него уже упомянутые нами «откупщики должностей и налогов». К сказанному об откупах выше (с целью показать, что в условиях «нового русского» капитализма они вовсе не отступили на задний план, как это произошло на Западе, когда там пробил себе дорогу промышленный капитализм, а, наоборот, укрепили и существенно расширили свои позиции, хотя и под другими названиями) здесь можно добавить лишь следующее. В некоторых из закавказских республик, а в особенности в Азербайджане, аналогичный процесс наметился еще в «застойные» и «раннеперестроечные» времена. Об этом свидетельствовали в своих публикациях некоторые из «отъезжантов», например, автор книги «Проданная республика», вызвавшей сенсацию на Западе, в которой приводились данные о том, сколько стоила в тогдашней Азербайджане та или иная хозяйственная либо партийная должность (скажем, должность директора крупного завода или секретаря райкома КПСС), обещавшая ее обладателю немалые дивиденды. После появления такого рода публикаций многочисленные анекдоты на эту тему, имевшие широкое хождение в центральной России еще раньше, уже не воспринимались как гиперболы и небылицы.

И хотя тогда было еще довольно далеко до превращения этих, казалось, «нетипичных» явлений в массовые и всероссийские, преискурант должностей и привилегий, становившихся объектом купли-продажи на южных окраинах России, весьма выразительно свидетельствовал о том, какие деньги крутятся там в ожидании своего часа. И стоило только чуть-чуть приоткрыть здесь шлюзы, как эти «сумасшедшие деньги» хлынули на территорию центральной России, пробив дорогу для укоренения здесь капитализма того особого типа, который воплотился (на глазах изумленных россиян) в образе «нового русского» капиталиста, способного превратить в предмет «откупа» все что угодно. А это уже с самого начала предопределяло ту генеральную линию, по которой должно было пойти у нас развитие капитализма. Отданное нашими высокопоставленными экономистами на откуп рыночной стихии, – с их близоруким упованием на то, что «невидимая рука рынка» все расставит по своим местам, – оно, это «развитие», оказалось во власти столь же «сумасшедших», сколь и непродуктивных денег, возникших не в промышленной, а в торгово-авантюрной, то есть базарной сфере. Но в этой сфере мог сформироваться лишь соответствующий ей, а именно «архаический» социокультурный тип капитализма – тот, который мы и получили. А он быстренько положил на обе лопатки нашу промышленность, перекрыв ей кислород инвестиций (которые «утекли» на частные счета в зарубежных банках) и приступил к дешевой распродаже производственных фондов страны (еще вчера числившейся в рядах промышленно развитых держав).

В том, что российский вариант «архаического» капитализма возник на почве деиндустриализации и демодернизации нашей промышленности, можно было бы усмотреть его далеко идущее отличие от античных его разновидностей, возникших в условиях ее отсутствия. Но, как видим, основная особенность генезиса и всей последующей эволюции «нового русского» капитализма до сих пор заключалась в том, что для него эта почва изначально была чем-то чуждым, неорганическим, «утилизуемым» как мертвый «материал», который важно поскорее сбыть (чтобы замести следы состоявшегося хищения чужой собственности). А там – «хоть трава не расти». Она и не растет, поскольку сам факт продажи и перепродажи ничего не прибавляет к субстанции самого «сбываемого» предмета. Таким образом «новый русский» капитализм, ведущий к неуклонному спаду промышленного производства (в конце концов, даже в добывающей промышленности) и все дальше заходящей деиндустриализации страны, создает экономически адекватную для себя почву, вполне аналогичную той, на какой произрос в свое время античный капитализм. И хотя исходные пункты этих двух разновидностей одного и того же типа «капиталистической деятельности» были радикально различными, все-таки сошлись они в одной и той же точке, исключаяющей промышленное развитие, лишаящей его культурно-исторических и социально-экономических перспектив.

Для достижения на этом пути абсолютного тождества с капитализмом

Макс Вебер и новый русский капитализм. Давыдов Юрий filosoff.org трехтысячелетней давности, «новому русскому» капитализму остается сделать последний шаг: превратить в объект купли-продажи не только «рабочую силу» человека («рабсилу», как она выразительно именовалась в бюрократических документах сталинской поры), но его самого вместе со всеми «потрохами», тем более что стоимость последних на черном (очень черном!) рынке неуклонно возрастает вместе с успехами трансплантации человеческих органов. Однако симптомы продвижения в отмеченном направлении внимательный наблюдатель может констатировать совсем не только в области «подпольной медицины»; к той же симптоматике можно отнести и торговлю «живым товаром» в «сексуально ориентированном» бизнесе, не говоря уже о наркобизнесе, где наркоманы готовы продать самих себя (не говоря уже о своих близких) за очередную «понюшку» наркотика. И, наконец, нельзя забывать также о торговле так называемыми заложниками, а в действительности рабами, которую так и не удалось искоренить как раз в тех «окраинных» районах бывшего СССР, из которых – уже во времена «позднего застоя» и «ранней перестройки» – в центральную Россию проникали семена и споры грядущего «архаического» капитализма.

Итак, купец-ростовщик, купец-откупщик, купец-поставщик и, наконец, купец-чиновник, создающий свой капитал с помощью взяточничества, – таковы доминирующие фигуры капиталистов «архаического стиля», каждой из которых вполне возможно найти «взаимно-однозначное соответствие» среди «новых русских» персонажей. Среди них мы найдем также и «крупных торговых предпринимателей» и «крупных финансовых магнатов», которых М. Вебер также не забыл упомянуть в своем перечне типичных представителей античного капитализма (и которых у нас нынче, как говорится, «пруд пруди»). Одним словом, куда ни глянь – везде рискуешь попасть в тот или иной веберовский персонаж, отличающийся от своего прототипа лишь модным костюмом. А вот те, кого еще совсем недавно называли у нас «капитанами промышленности», переводя на советский язык слова О. Шпенглера о промышленниках «большого стиля» (и называли не без основания, поскольку именно им страна была обязана не только индустриализацией, но и последующей модернизацией индустрии), нынче жмутся где-то на российских задворках, тщетно пытаясь свести концы с концами на своих «лежащих на боку» предприятиях.

В целом мы можем констатировать, что те же самые социальные типы, которые доминировали, согласно М. Веберу, в условиях «архаического капитализма» трехтысячелетней давности, доминируют и при нашем нынешнем «новом русском» капитализме, оттесняя на задний план (если не устраняя вовсе) фигуры, типичные для современного промышленного капитализма. Того самого капитализма, что, как видим, задает сегодня тон не только на Западе, но и на Дальнем Востоке, диктуя свои «правила игры» персонажам, унаследованным им от архаического капиталистического прошлого.

Тогда как же нам определить «новый русский» капитализм? Судя по всему, тот факт, что мы имеем с ним дело сегодня, еще не дает нам никаких оснований считать его современным капитализмом. Типологически он гораздо больше схож с «архаическим» капитализмом, заставляя ожидать от него то же самое, что он неизменно демонстрировал и продолжает демонстрировать сегодня на Западе. (Хотя там он живет в «интермундиях» – прорехах, оставляемых неравномерностями глобальной эволюции современного капитализма). Не случайно М. Вебер отказывал в праве считаться типичными представителями современного капитализма (его олицетворением даже таким капиталистам, как, например, «Пирпонт Морган, Рокфеллер, Джей Гоулдс и др.», «как бы велико ни было их значение в хозяйственной жизни страны» [2, с.279]). То же самое мы можем сказать и о наших нынешних «олигархах».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!